

Почти четверть века назад в издательстве «Молодая гвардия» вышел роман Юрия Бондарева «Искушение». Книга за бурностью происходивших тогда событий осталась практически незамеченной. Стране было не до проблем природопользования и сохранения окружающей среды. Вопросы, затрагиваемые в романе, казались абстрактными, далёкими от жизни. Да и сам роман безнадёжно отстал от жизни: не было уже ни Госплана, ни всесильных советских министерств, готовились к смерти различные НИИ и научные лаборатории. Решался более важный вопрос о власти, какая тут экология? А между тем, «Искушение» – это завершение целого направления отечественной прозы, посвященной экологической тематике, начало которому было задано романом Леонида Леонова «Русский лес».

Сюжет «Искушения» не отличается сложностью и замысловатостью. В Сибири планируется строительство очередной крупной Чилимской ГЭС. Очевидно, что это строительство не только не решит всех экономических проблем, но и нанесёт непоправимый вред природе. Для официального начала строительства необходимо соответствующее заключение научного института. Вокруг него и начинают разворачиваться основные события романа. Конец и начало – слова однокоренные. Книга Бондарева, как и «Русский

лес», посвящена теме науки. В науке – спасение природы и причина всех бед. Борьба за экологию в современном обществе – это, прежде всего, борьба за независимость и чистоту науки. Похвально стремление гражданских активистов отстоять березку и рябинку, куст ракиты над рекой. Но вопрос охраны природы шире и глубже отдельных инициатив. Теория «малых дел» малопригодна для решения экологических вопросов в целом. Экологическая проблематика – в первую очередь проблематика антропологическая, социальная.

Наука представляет собой рациональное, разумное отношение к действительности. Она спасает, но она же способна погубить. Противостояние Вихрова и Грацианского в «Русском лесу» имеет поэтому первостепенное значение. От того, кто одержит верх, зависит будущее «русского леса», природы, общества и человека, существующих в неразрывном единстве. Но если в книге Леонова Вихров всё-таки побеждает, то «Искушение» Бондарева рисует нам совершенно иную картину.

Наука в «Искушении» стала уделом приспособленцев, духовных продолжателей дела Грацианского. «Какая, к дьяволу, сейчас наука! Это расчётливый мафиозный заговор против природы. А мы – наёмные убийцы», – говорит один из героев романа Тарутин. Две важнейших составляющих этоса науки – стремление к истине и нацеленность на достижение всеобщего блага – полностью дискредитированы. Наука из созидательной силы превратилась в разрушительную, стала инструментом уничтожения человека и среды его обитания. Поэтому нет ничего удивительного в том, что думающий, совестливый учёный Тарутин, не утративший чувства ответственности, превращается в своего рода луддита², встающего на пути прогресса и науки. «Без всей вашей лживой науки земля была бы чище! Изнасиловали и надругались над собственной матерью!» – повторяет он. Кризис науки, о котором говорит Бондарев в своём романе, – это символическое обозначение того паралича мыслительной деятельности, который поразил советское общество в 70–80-е годы, не-

² Луддиты (англ. *luddites*) — участники стихийных протестов первой четверти XIX века против внедрения машин в ходе промышленной революции в Англии.

дуга, продолжающего разрастаться во всё больших масштабах и сейчас. Учёные превратились в «титулованный мусор», они «слишком обременены постами и должностями, чтобы позволить себе думать». Но, главное, – они стали дворнёй, услугой. «Наука пошла в услужение монополиям и предала народ». «Технократы властвуют, мы чешем языками». «Министерские монополии, с которыми мы имеем дело, командуют в нашей стране миллиардами... Эти всемогущие монополии пустят Россию по миру с протянутой рукой!»

Экологическая проблематика в романе Бондарева является показателем общего социального нездоровья, она – отражение безобразия, царящего в общественной жизни. Узкокопеек и прагматизм, жизнь мелкими эгоистическими узкогрупповыми интересами определяет нездоровое отношение к природе. Ведомственное чванство и плоский прагматизм позволяют тому же Таругину делать глобальные обобщения: «У нас есть мафия. Не такая, конечно, как в Америке. Но есть... Это самая могущественная мафия в мире. Американская “коза ностра” – невинное дитё... Только вместо автоматов у нашей мафии – бульдозеры, землерыльницы, подъёмные краны, миллионы для обмана и подкупов... Цель мафии: враньё правительству, то есть – под знаменами обещаний блага устроить гибель земель, лесов, рек. И всеобщий голод в стране, а потом превратить её в кучу дерьма, где зарыта жемчужина для чужих».

Для обоснования разрушения человеческой среды обитания в ход идут высокие аргументы, изоцирэнная риторика, даже Писание здесь звучит в таком антихристовом, перевёрнутом прочтении. «Кому нужна в XX веке бескрылая истина, если она не облегчает жизнь? Истина в хлебах, в хлебах. А не в камнях. Не красота и красотишка спасёт мир, а хлеб», – разглагольствует в романе академик Козин. Однако риторика «хлеба сейчас» для простых людей на деле оказывается обманом. Главный герой книги Дроздов, приезжая на проблемную стройку ГЭС в Чилиме, видит всю глубину обмана, совершаемого политической элитой, технократами и учёными, вступившими в сговор. Отмечает глубокую пропасть между условиями жизни тех и других: грязные стройки, неустроенный быт, возведение мёртвого моря на месте прекрасной тайги – для простых людей, и чистые светлые кабинеты, пикники за городом, массажные с девушками – для элиты. «Что же мы дали им? Нищенское существование бродяг. Я тоже участник этой лжи и заговора против народа. На моих глазах происходило разрушение

основ жизни, земли, воды, богатства». Это верно и по отношению к стране в целом: «Мы строим десятки ГЭС и оросительных систем, а страна по-прежнему беднеет, деградирует, находится на уровне какой-нибудь африканской Верхней Вольты».

Своеобразие романа Бондарева в том, что он описывает экологическую катастрофу не с позиции пострадавших и затопляемых, а с точки зрения тех, кто её творит. Притом, что основная вина в происходящем лежит на так называемой элите, автор не снимает ответственности с самого народа, превратившегося в пассивное, не рассуждающее стадо. Характерна в этом отношении сцена в чилимской столовой, где собеседник заезжих московских учёных, рядовой строитель, рассуждает: «...Пролетарием хочу. Так хорошо будет. Всё казенное. Не твоя забота. Живи тихо, спокойно, хлеб жуй».

Идеология безответственности, беззаботности, тихой жизни начинает порождать чудовищ. Намеренно организуемая нищета подстёгивает самые низменные инстинкты, порождает идеологию «живи одним днём», завтра кто его знает, что будет, лишь бы сегодня брюхо набить. Идет процесс оскотинивания человека, и этот обобраный, низведенный до убогого состояния индивид становится далее аргументом в споре: «Люди хотят хлеба. Не накормишь человечество – распнут».

Происходит разрушение не только природной экосистемы, начинается разложение всего общества. «В тайге появилось что-то новое», – отмечает для себя Дроздов, замечая между простыми парнями, строителями и среди местного начальства совершенно новые, мутировавшие человеческие типы. «Новые карьеристы на местах в заговоре с московскими монополиями, и страну распинают они вместе».

Куда бежать, где искать чистого воздуха и свежей воды честному человеку? В тайге – невежественный, обманутый пролетариат, уничтожающий собственную среду обитания, в столице – чиновники, превращающие природу в предмет элитного потребления, в «медвежьи домики» с массажными. Здесь «враждебный Чилим», там «отчуждённая Москва». Но и тут, и там – утраченное чувство реальности, почвы под ногами.

И всё же разруха начинается в головах. Пренебрежение к жизни, к народу, к своей задаче и миссии является отличительной чертой элиты. Замкнутый круг больных и слабых – так характеризует их главный герой романа в финале. Но круг этот силен и непобедим.

«Кто способен остановить цивилизацию, пусть даже уродлиую?» – вопрошает в конце романа очередной начальник Битвин.

Как мы теперь знаем, *никто*. Наша реальная жизнь всё в большей степени строится по принципу «чтобы сорвать яблоко, руби всё дерево».

И вот теперь самое время спросить: почему же так получилось, что роман Бондарева закрыл экологическую тематику? Почему экологический роман в современной литературе невозможен?

Существуют, прежде всего, причины чисто литературного характера. Наша литература как огня боится социальной проблематики. Остросоциальный роман, а мы видим, по классическим образцам отечественной прозы, что произведение, посвящённое вопросам взаимоотношения человека и природы, всегда таково, не возьмут ни в одной редакции. Писать о засилии монополий, да кто ж на это осмелится? Кто-то побоится укусить руку дающего, а кто-то просто поосторожничает: ну зачем нам скандал, мы – хранители культуры.

Но дело не только в этом. Эти годы не прошли для нас даром. Мы ещё способны говорить о спасении отдельных лужаек и водоёмов, но это не экологическое мышление. Экология предполагает системное рассмотрение действительности. Можно ли сейчас, после десятилетий планомерного уничтожения всякой здоровой мысли в науке, образовании, управлении говорить о системности мышления, способности воспринимать явления в их взаимосвязи?

По одному только роману Юрия Бондарева можно видеть, насколько это системное, цельное мировоззрение было свойственно отечественной литературе. Отношение к природе, как отношение человека к самому себе – об этом писал он, об этом говорили Айтматов, Астафьев и Распутин. Уродливость отношения к природе, как отражение извращённых социальных отношений. Расширение экологической тематики, прагматической, естественнонаучной, до метафизической проблематики места человека в мире. Такой высокий полёт мысли просто невозможен в текущих условиях. Кто из нынешних молодых писателей мог бы потянуть такую тематику? Никто. Мышление их плоско, мозаично. Зрение слабо. А жизненный, человеческий опыт ничтожен. Писателю нужен профессиональный, научный подход к анализу проблемы. Помощь учёных, которые бы подсказали, разъяснили, помогли составить общую картину происходящего.

Герои романа Бондарева прекрасно понимали, какого рода

преступление они совершают. Сейчас, судя по всему, это понимание выветрилось: настолько сильна дисквалификация научных кадров, деградация их профессионального уровня. Совесть нынешних учёных чиста уже потому, что они просто не видят возникающих проблем. Голос же тех немногих, кто осознаёт масштаб совершающейся катастрофы, не слышен. Многие боятся, молчат, и получают за молчание, за соглашательство очередные степени и звания, а кто-то просто жалованье. Голос здравого смысла и совести вновь забивает риторика большой политики, наркотик больших достижений, дурман слов о благе страны, ложь статистических выкладок. И страна, как и предсказывал Бондарев, продолжает превращаться в помойку.

У нынешних литераторов нет сил и на нравственную проблематику. Слова – «нравственность», «совесть», «ответственность», да что там, даже «здравый смысл» – выглядят непонятной архаикой, приветом из тёмной непросвещённой и непрагматичной эпохи. Мысль о следующих поколениях даже не приходит в голову. И это в какой-то мере естественно: у эгоиста не может быть наследников. Проблемы экологии могут волновать только здоровое общество и здоровую литературу. Социум, потерявший себя, здоровое восприятие действительности, о них даже не задумывается. Литератор парит в облаках, теперь ему не нужны пейзажи для вдохновения и отдохновения. А если ненадлежащие мысли о том, что у нас не всё в порядке, появляются, они вытесняются на задворки сознания.

Можно было бы говорить о том, что роман Бондарева «Искушение» и сейчас не теряет актуальности. В какой-то степени это справедливо. Но здесь повод не для радости, а для печали. Такие книги должны вымываться из истории и памяти в область повествования о тёмных временах и диких нравах. Актуальность «Искушения» не столько заслуга Бондарева, сколько свидетельство плачевного состояния нашего общества. За 25 лет ничего не изменилось. Заменяй некоторые названия, подправь второстепенные детали – и «Искушение» будет выглядеть как острое полемическое высказывание на темы современности.

И всё же считать «Искушение» точным изображением нынешней действительности, пророчеством, не совсем верно. Мы живём в совершенно другую эпоху. Бондарев предостерегал, он фиксировал начальные стадии деградации. Теперь процесс зашёл слишком далеко. Для нас лживая наука, безудержный произвол монополий и право ничего не решать стали нормой жизни, чем-

то естественным. И это опять не удивляет. Страна мечтателей стала страной предателей, искушение – нормой, основой существования. Бондарев жил во времена, когда литература была ещё способна пробить брешь в недалёком и наивном общественном сознании. Мы живём в эпоху, когда художественное слово потеряло всякую социальную значимость. Атрофия мозга, чувств и совести достигли предела.

Появись, вдруг, сейчас роман на экологическую тему в современной российской литературе, он будет выглядеть нелепо на фоне безудержного торжества той самой «битвинской» уродливой цивилизации. Но, с другой стороны, разве кто-то позволит ему прогреметь, если бы он даже и был написан? Такой роман шёл бы вразрез со сложившимися за эти годы социальными отношениями, с существующей системой общественных ценностей. Он был бы непонятен нынешнему рядовому россиянину самой постановочной вопросов.

Кемеровская область, г. Новокузнецк

**Подписаться на журнал «На русских просторах»
на 2017 год
можно в любом отделении связи.**

Подписной индекс 43348 в каталоге «Пресса России»
2017/2 и Интернет-каталоге Агентства «Книга-Сервис»
2017/2.

Стоимость подписки на полгода 475 рублей.

Предыдущие выпуски можно купить в редакции.
8-905-285-67-52. E-mail: lestatmi@yandex.ru

Рекламная акция:

По заказу библиотек (на E-mail: tatmiles@mail.ru)
один номер журнала высылается бесплатно.